

Алекс Энкиду

12+

РАБ

Неисторический рассказ

Алекс Энкиду

Раб

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65760914

SelfPub; 2022

Аннотация

История, которая началась 8000 лет назад и не закончилась до сих пор. Кто я есть? Воин? Раб? Человек? Есть ли смысл в свободе, когда ты уже свободен? Автор поднимает вопросы, над которыми можно долго размышлять и у каждого будет свой ответ на них. Такие понятия, как свобода и рабство очень близко граничат друг с другом, одно перерастает в другое. И там уже не видно разницы. Для кого-то рабство становится свободой, а для кого-то свобода не совместима с жизнью.

Зачем? Вопрос один из главных в этом рассказе. Зачем нужна свобода? Зачем нужно рабство? Зачем нужно умирать? И зачем нужно остаться в живых? У всего есть своя история и свой смысл, который иногда спрятан в мелочах. Надежда не всегда в поднятом и остром мече, разрубающем все на своем пути, а любовь в разрушительной силе, которая не оставляет ничего после себя, иногда она в маленьком зеленом перстне, запылившемся в дороге. И приказ, который в самом начале был так непонятен, становится ясным, как солнце, поднимающееся над землей.

Алекс Энкиду

Раб

Неисторический рассказ

8000 лет назад между реками Тигр и Евфрат существовала таинственная, парадоксальная цивилизация Киэнги. Сегодня мы ее знаем под именем Шумеры. Река времени унесла этот массив человеческого интеллекта в темную страну неизвестности. Но навечно с нами остались крохи их сакральных и непостижимых знаний.

Один из парадоксов Шумеров: иероглиф любить – Кай-аг, дословно означал мерить землю, позднее стал обозначать – мерить жар земли. Каким образом они связали такие разные понятия? Нам этого сегодня не понять....

На самом краю Великой восточной степи, между двумя полноводными реками, в том месте, откуда расходятся пути на запад, юг, и восток могучий человек Аллагар, царь далекой страны Остроны стоял на недостроенной крепостной стене. Было раннее утро. Солнечные лучи ярко освещали всё пространство внизу перед ним. За одну ночь к подножию возвышенности, на которой царь только что заложил новый город, собралась тьма дикарей. Их было слишком много.

Черные «народы моря» с юга, и слегка коричневые племена с северо-запада, и грязно-белые варвары из горных стран Мидии. Кто-то объединил их и привел всех сюда. Зачем?

Они заполнили всё пространство, которое мог обозреть царь, смотря с недостроенной городской стены. Он никогда раньше не видел такого количества диких людей. Большинство из них закрывали свои тела канды – рубашками из грубой ткани без рукавов. Были и те, кто носил рубахи с короткими рукавами – эти отдавали указания другим. Редко можно было заметить людей с густыми длинными бородами, в длинных рубахах. Они не бегали с хлопотами, а сидели в стороне от суеты. Рядом с ними стояли безбородые евнухи.

Царь знал, чем больше людей собирается вместе, тем более они становятся дикарями. Он видел перед собой море, вода которого состояла из человеческих тел. Когда-то, в пору молодости, во время своего длительного путешествия через финикийские города в Египет и дальше по морю в новую страну, которую все называли «страна телят» он попал в сильнейший шторм. Много чудес он увидел в своем странствии, познал много мудрости, но более всего ему запомнились водяные валы на обратном пути. Под адский свист ветра морские воды внезапно вставали на дыбы, как разъяренные боги, и путники, все вместе: слуги, рабы, знать проваливались, не чувствуя своих тел, сквозь море в самую преисподнюю следом за кораблем. Неведомая сила не давала им уйти на дно – поднимала их из тьмы, тяжело вдавливая в просмо-

ленную палубу корабля, словно сам ненасытный зверь смерти играл с ними, показывая свою силу. И тогда Аллагар – царь вольной страны Остроны, не ведавший доселе ни страха, ни отчаяния ощутил что такое настоящий ужас, идущий из самой глубины души, через все косточки тела.

И сейчас, с высоты своей недостроенной крепости он смотрел, как ранние косые лучи Солнца подталкивали тела дикарей к хаотичному движению, и их острые и длинные тени соединялись и разъединялись друг с другом как злобные двойники из потустороннего мира и знал – разрушительный шторм, но человеческий, неизбежен.

К нему подошел Шангу – Верховный жрец. Ближайший советник. Он общался с богами и знал всё. Когда из их благословенной страны Остроны на восточном краю Великой степи ушла вода и люди стали умирать от жажды и голода, когда тяжелые трещины стали появляться не только на земле, но и на коже людей, когда говорить от сухости во рту стало невозможно, они вместе приняли решение отправиться на поиски нового места. Вместе придумали мечту о новом городе на новом месте. Шангу хорошо разбирался в строительстве. Он нарисовал тонкой палочкой из очищенного камыша на нескольких глиняных табличках новый город во всех подробностях. Там были крепостные стены и дворец на возвышенности. Более 100 помещений должны были окружать парадный двор. Главная дорога соединяла ворота стены и арки дворца. Высокий зиккурат – храм с шестью крылатыми бы-

ками со спиральной дорогой наверх. Сад наверху и приспособление для подъема воды, устройство которого царь подсмотрел в Египте. Своды и купола держались бы на хорошо высушенных кедровых балках. А полы обязательно были бы выложены обожженными и глазированными плитками. Там были алебастровые рельефы с изображениями из их путешествия через финикийские города и Египет в «страну телят». А город делился бы на квадраты. Улицы узкие, но удобные – прямые. И хранители городских врат – статуи крылатых львов. Главную большую статую полубыка – получеловека они планировали поставить на вершине зиккурата. Особенно жрец хотел построить просторную школу, где дети учились бы глинописи. Эту сложную науку не каждый мог осилить. Четыре года требовалось способным ученикам, чтобы освоить навыки правильного надавливания грифеля в податливую глину. Сложно наносить знаки как можно мельче и при этом соблюдать ровный интервал между ними. Для своей старой школы жрец сам составил пособие для обучения молодых. Он гордился тем, что на самой большой табличке вывел свою мысль: «Кто преуспеет в письме и чтении, станет ярким, как солнце». Много они запланировали.... Оставалось найти новое место для города, полное воды, простора и земли.

Взяв с собой небольшую группу воинов во главе с Раббэ, они ушли далеко от своей страны и благодаря богам нашли прекрасное место для своего города. Залежи серебряных и

железных руд. Ручьи и озера со сладкой водой, плодородная земля и кедровый лес. И знали они, где взять нужных строителей и искусных мастеров орнаментов из камня, дерева и слоновой кости. Они были в соседних странах и видели много добросердечных и трудолюбивых людей, которые знали что такое тонкий расчет и практический ум. Эти строители умели правильно отколоть камень и передвинуть неподвижное, они знали как удержать наверху то, что вечно стремится вниз. Они тренировали свои руки в красивой работе над рельефами. Бог строительства жил в каждом из них.

Теперь два правителя, оставленного ими на прежнем месте народа, стояли на недостроенной стене и смотрели, как рушится их мечта.

Царь тихо сказал:

– Мы пришли, спасаясь от выжигающего Солнца, чтобы построить здесь город для людей. А погибнем от рук этих дикарей. Им не нужны дома, дороги, площади, храмы – им не нужен наш город. Им не нужны искусства и ремесла и школы. Им не нужен мир. Война их дом!

Шангу ответил:

– Когда-нибудь и они будут строить города, только пройдет много- много жизней.

В этот момент по людскому морю дикарей прошла волна возбуждения. Они с удивлением увидели, как дикари с буйным упоением тащат за волосы через все поле Энтемена.

Энтемен совсем молодой парень с радостью вызвался ид-

ти с царем в путешествие за мечтой. Он был лучшим писарем в храме Шангу. Всегда веселый и добросердечный Энтемен теперь был весь в крови, не способный к сопротивлению.

На стену к царю подскочил Раббэ. Он был чрезмерно агрессивен.

– Мой царь, они выкрали Энтемена. Я пойду и отобью его.

– Нет. – Жестко ответил Аллагар. – Ты погибнешь раньше времени. Стой здесь и смотри! У этого мальчика много мужества и он хочет, чтобы его смерть видели не враги, а друзья. Он умирает для нас. Мы должны напитаться силой его сопротивления.

Дикари протащили Энтемена ближе к подножию возвышенности, на которой стояли теперь все, кто пришел с царем в новый край. Тело Энтемена подняли вместе со столбом с горизонтальной перекладиной, перевязанной кожаными ремнями. Рыгая и крича от возбуждения и дикой радости дикари стали резать кожу Энтемена полосами и отрывать ее от тела. И все кто стоял на возвышенности увидели большие, влажные глаза Энтемена. Они были направлены в сторону царя и были похожи на две полные и влажные Луны. Будто весь Энтемен состоял только из глаз. Он молчал. И только когда полосы кожи стали с треском отделяться от тела, он закричал. И крик его проник в самую суть души каждого из тех, кто смотрел на жестокую казнь товарища, со стороны недостроенного города для людей. Вскоре крик исчез.

Остался только шум победоносно скачущей толпы внизу.

Царь Аллагар почувствовал жар во всем теле. Он тихо спросил жреца:

– Они хотят нас напугать?

Старый друг царя, Верховный жрец оставленной ими страны Остроны, посмотрел на Аллагара и удивился, как сильно изменился тот.

– Они не могут без этого. – ответил он – Глупые и жестокие начинающие люди хотят быть похожими на своих всемогущих богов. Страдания других питают их силу. Они познают себя таким образом.

– Можно ли остановить их?

– Это неудержимая стихия народов, не умеющих писать. Они должны пройти свой путь сами.... Как смерч стихает от того, что сердце его остывает, так и эти народы.... утихнет пламя их энергии.... Помнишь как тогда, на море шторм убивал нас, но закончился внезапно, и каким свежим после этого стал воздух?

– Зачем они это делают? У нас нет женщин, нет скота, у нас мало золота, жемчуга, с нас нечего взять. Мы не сделали им ничего плохого. Они могли бы пользоваться нашим городом.... Город для всех.... Великую зиккурату построили бы самые искусные мастера Сирии.... Почему они не хотят нашего красивого города? Можно ли с ними договориться?

– Их слишком много, чтобы они могли разумно думать. Искусство переговоров им недоступно. Они хотят убить на-

шу идею, царь. Она тревожит их зарождающиеся души.... Они боятся нового.... Они хотят как прежде

– Они уничтожат нас?

– Я думаю, это предопределено.... Они окружают наш недостроенный город. Но ты, мой правитель, можешь тайно покинуть нас. Ты нужен нашему доброму народу. Уйди ночью. Завтра будет поздно!

Первый раз за всю жизнь вместе с суровым и мудрым жрецом, царь услышал в его голосе тревожное волнение.... И оно передалось ему. Он, не раздумывая, произнес и удивился хриплому звуку собственного голоса:

– Я остаюсь....

Шангу долго молчал, потом с чувством произнес:

– Сегодня ты мудрее богов....

– Но как же ты? Ты стар, у тебя нет сил держать меч. Бог силы давно уступил место богу мудрости.

– За меня не волнуйся.... я выберу самый острый нож и мне хватит сил вонзить его сладкое лезвие в любого из врагов, а затем в свое сердце.... Это будет моим вкладом в нашу победу, но сначала я должен насладиться твоим триумфом, мой царь..... с этого места я буду смотреть на победу твоей воли и любви!

Аллагар сказал:

– Мы так долго шли, искали эту землю. Мы нашли ее. Мы не успели построить город, но я дам ему имя. Имя ему будет Кай-Аг Недолго просуществует наш город ... как и наша

жизнь... но о нем и о нас будут помнить!

После Аллагар с решительностью запахнул плотнее плащ, и обратился к начальнику своей охраны Раббэ:

– Выстави наблюдателей и приходи ко мне в палатку.

В походной палатке они были одни: царь и начальник его охраны Раббэ. Несмотря на высокую должность, он оставался рабом. Аллагар купил этого сильного воина на невольничьем рынке еще до своего путешествия. Ему сразу понравилось выражение лица раба, спокойствие и уверенность которую он буквально излучал. Аллагар отдал за него внушительное количество изумрудов, но потом ни разу не пожалел об этом. Этот раб отличался высоким ростом и массивной мускулатурой. В нем угадывалась бешеная сила, но он был тих и спокоен. Сразу между ними возник эмоциональный контакт. Раб не стремился убежать, более того, он стал близким человеком. Аллагар не вел никаких войн. Его небольшое войско охраны плохо знало военное дело. Раббэ стал учить молодых воинов драться. Он в совершенстве владел искусством работы двумя мечами. Его обучил этому приему старый македонец у прежнего хозяина. Это сложное искусство вести бой двумя мечами и долго не уставать давалось немногим. И с этими немногими бойцами они совершили путешествие вместе с царем в новые земли. Но никто никогда не мог допытаться, почему он не называл имени, данного ему при рождении, как будто это было его тайной. На

невольничьем рынке его звали Раб и он откликнулся. У Аллагара его стали звать с ударением на последний звук и получилось Раббэ.

Аллагар говорил тихо и доверительно:

– Ты должен уйти сейчас из города, пройти окружение варваров, и вернуться домой. Одному тебе это удастся сделать.

Аллагар от удивления даже задышал сильнее:

– Я должен тебя защищать! Я не понимаю, правитель, зачем ты так говоришь мне...

Аллагар мягко перебил его:

– Ты поймешь меня потом.... когда-нибудь.... Их тьма....

Нам суждено погибнуть.... Но мы должны драться и победить их неразумные души! Мне нужна особая сила.... Та сила, которую не воспитаешь ни физическими упражнениями, ни изнуряющими боевыми тренировками. Для этого ты, лучший воин из лучших, могучий как сам бог силы, измеришь путь домой, к родному городу. Чего бы это тебе не стоило... это будет твоя битва за нас всех....

Раббэ спросил:

– Почему тебе самому не уйти? Я надолго задержу их....

Аллагар грустно улыбнулся и ответил:

– Что проку в гибели от рук дикарей, в неизвестности. Наши тела превратятся в корм для червей, но наши души должны подняться к богам победителями. Я буду вдохновлять своих воинов. Но кто вдохновит меня? Вернись в наш го-

род... передай моей жене, благословенной Эриде, моей любимой, что я ведомый богами, ушел к нашим отцам с ее именем в сердце своем. Передай ей перстень. Ее перстень – ее подарок..... – На секунду его голос потерял силу, но тут же зазвучал по-прежнему уверенно. – Торопись! Я буду знать, что ты это сделаешь, и тогда в решающую стадию боя от моей любимой Эриды ко мне придет особая сила. Я передам эту силу своим воинам. И только с ней мы вместе выполним завет богов.... Вместе пришли сюда, вместе уйдем дальше Солнца, непобедимые и от этого счастливые. Дикари будут помнить нас всегда. Отправляйся прямо сейчас...

Он снял с пальца перстень со сверкающим изумрудом. Солнечный луч, внезапно проникший из дыры в палатке, отразился от граненого камня. Он напомнил ему зеленый луч, который внезапно появился на горизонте тогда – после сильного шторма, во время которого он впервые подумал о смысле смерти.... Свет надежды... И хотя тот луч блеснул и исчез, он запомнил его как что-то очень важное, значительное, как послание от добрых богов. Тогда жрец сказал ему: этот луч не дано увидеть больше одного раза. А кто увидит его, станет счастливым. Так и случилось. По дороге домой в гостях у финикийского царя ... он встретил прекрасную Эриду.... С тех пор он ничего больше не хотел, как быть рядом с ней... Только исключительная засуха заставила его бросить свой народ, свою жену и уйти на поиски лучшего места для города «для людей»...

Аллагар упаковал перстень в кожаный мешочек с ремешком и повесил его на шею Раббэ.

От волнения у Раббэ пересохло в горле. Он с трудом спросил о том, что и так было ему понятно?

– Ты погибнешь, царь?

Царь впал в задумчивость... Он был где-то далеко... Потом медленно и протяженно произнес:

– Да-а-а ...

И это хрипкое и длительное «да-а-а» прозвучало в палатке как эхо произнесенного звука...

Раббэ не понимая до конца своего задания, все же сказал:

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, но я верю тебе, мой господин... Надейся на меня...

Он мучительно пытался понять, для чего такой странный приказ.... Зачем ему уходить, когда надо драться? Неприятная мысль все время назойливо звенела как муха в его голове: кто же защитит Аллагара? Как царь будет биться без своего главного боевого помощника? А его ученики из отряда охраны будут думать, что он предал их? То ради чего он жил, последние годы теперь пропало? Неужели все было напрасно? А главное: как можно так – погибнет его царь, его покровитель, его господин, а он уйдет и останется живым.... Зачем? Эта мысль особенно сильно его смущала. Оставить царя в такой момент, и предательски остаться живым? А что он скажет людям в городе? Но он верил своему господину. Значит задание его очень важное. Пусть он не понимает суть,

но он верит, и во что бы то ни стало дойдет до родного города и передаст перстень.

Пришла ночь. Внизу все было освещено кострами. В их свете враги были хорошо видны. Раббэ решил этим воспользоваться. Он спустился с обратной стороны недостроенной стены по руслу ручья. Он двигался так плавно и тихо, что даже наблюдатели из его отряда, которых он здесь выставил, его не заметили. С собой он взял только толстый и грубый кусок ткани, сагум – походный плащ, две лепешки прахат из пшеничного и кукурузного теста и два своих любимых меча. Один меч – обычный из мягкого железа. После трех-четырех ударов его необходимо было выпрямлять и править зазубрины. Но он почти не ржавел. Второй меч был особенным. Он долго не тупился. За ним был нужен специальный уход. После боя всегда протирать насухо и смазывать хорошим слоем собачьего жира. Иначе, лезвие его быстро покрывалось толстым слоем ржавчины. Точить редким камнем особенным способом под специальным углом. Так научил его хромой кузнец Шалыга.

Хромой и злой Шалыга не любил людей. Жил далеко от города в горах, в пещере, в которой была кузница. Найти его было легко. Над вершиной горы всегда струился дым. Люди говорили, что искусство делать наипрочнейшие мечи из белого металла досталось ему от самого бога Талоса. Еще го-

ворили, что в теле Шалыги всего одна вена, и та заткнута как пробкой гвоздем на пятке; если этот гвоздь вынуть, то кузнец умрет.

Шангу привел Аллагар и Раббэ в город, показал дым над горой. Но идти дальше жрец наотрез отказался. Впервые Аллагар и Раббэ увидели Шангу настороженным и неуверенным. Аллагар спросил жреца:

– Ты тот, кто знает даже то, что не высказать словами, наместник богов на земле, почему ты посылаешь нас к кузнецу, а сам не идешь? Жрец ответил:

– Кузнец с железной ногой один из нас – жрецов. Но его магическая сила столь сильна и злобна, что не терпит никого, кто может постичь его искусство. Боги меня предупредили: любой жрец, который попадет во владения хозяина подземного огня и железа навсегда потеряет голос. Он не может покинуть свою пещеру, а я не должен проникать к нему. У нас разные миры. Подожду вас в городе.

Два дня и две ночи Аллагар и Раббэ находились неотлучно рядом с пещерой. Спали, укутавшись плащами, около небольшого костра. Ели лепешки и мясо оленя, смотрели на близкие звезды. Днем кузнец спал, а ночью из глубин пещеры слышались равномерные удары молота и непонятное шипение. Иногда черный от копоти кузнец выходил, садился на камень рядом со спутниками и негромко говорил о металлах и мечях. При этом он внимательно разглядывал спутников исподлобья.

Кузнец оказался не таким, каким его описывали люди. Он хромал, но железной ноги не было. Был неприветливым, но не настолько, чтобы не разговаривать с ними. Кузнец говорил о железе теми же словами, что и старый македонец, когда учил его боевым навыкам. Главное, сочетание мягкого и твердого, вязкого и резкого. Для того чтобы меч не уставал в бою его надо делать из разных металлов. Слишком твердый металл крошится, слишком вязкий – загибается. Найти баланс может только он – посвященный богами, колченогий Шалыга. Соединить то, что казалось бы, не должно соединяться. Как это было знакомо Раббэ. Он в бою умел расслабляться и внезапно резко напрягать мышцы. Умел соединить в себе мягкость лесной кошки и стремительный выпад змеи. В одном ударе умел сочетать плавность движения и твердость рубки. Раббэ тогда сильно удивился: как много общего у людей и металлов. Еще сильнее удивление было тогда, когда Аллагар расплатился с кузнецом за меч. Он отдал несколько мешочков изумрудов, рубинов и серебряных слитков. Этого хватило бы, чтобы не знать бедности до конца жизни. Кузнец взял дорогую плату, подошел к краю обрыва и стал медленно доставать из мешочков сокровища и бросать их в пропасть. Вернулся к изумленным гостям и сказал, глядя прямо в глаза Раббэ:

- У твоего царя есть сокровища сильнее этих камней.
- Что ты имеешь в виду? – воскликнул Аллагар.

Кузнец не ответил, криво ухмыльнулся и удалился в тем-

ноту пещеры.

Вспоминая эту улыбку, он внезапно понял, что оказался в гуще врагов и незаметным ему не выбраться. По мышцам его пробежала мелкая дрожь возбуждения. Вытащив мечи, он пошел крутить ими, стараясь вывести из строя как можно больше дикарей, пока те не опомнились.

Он управлял двумя мечами легко и свободно. Главное было не сбиться с дыхания, не потерять ритм, тогда усталость долго не придет – так учил его давно седой македонец... Сосредоточиться на ударе, расслабиться на уходе от удара... Проникающий в горло, скользящий по глазам... Один меч на замах, другой на удар. Равновесие и ритм. Потом надо внезапно перейти на парные удары. Через некоторое время вернуться опять к диагональным машущим ударам. Если выбрать правильный ритм, то можно долго не уставать. Словно стоишь на воде и чтобы не утонуть двигаешься так, что тело поднимается и становится без веса. В какой-то момент он чувствовал себя волной, которая раз за разом обрушивается на берег, превращая скалы в песок.

Эта техника нацелена только на нападение – про защиту Раббэ никогда не думал. Дикари быстро опомнились и накинулись на него как комары. Их было слишком много, и каждый из них не боялся умереть. Один из них кинул в голову Раббэ горящую ветку. Уголек попал в глаз. Раббэ споткнулся о камень, потерял ритм. Тяжелый удар сзади по голове за-

ставил его упасть и потерять сознание.

Он очнулся и увидел себя лежащим под деревом. Руки были связаны на запястьях кожаным ремнем. Рядом у костра сидели дикари и оживленно разговаривали на непонятной смеси языков. Вдруг он услышал слово гу-гиз-гар. Это слово он слишком хорошо знал. Оно означало только одно: на затылок – дерево – класть. Он часто видел рабов с колодками на шее. Из деревянного плена вырваться было невозможно. Но он никогда не отождествлял себя с этими рабами. Он воин. Его можно убить, но никогда он не будет в колодках. Он сразу очнулся. Увидел свои истертые до мяса пальцы. Вспомнил, как старый македонец учил его отключать боль. Напрягся, пытаясь разорвать кожаный ремень. Даже в темноте ночи он увидел, как истончилась и побелела его кожа на кистях рук, ему показалось, что он видит свои кости. Кожаный ремень натянулся, стал тоньше. Раббэ напрягся сильнее. Его кожа на запястьях лопнула, пошла кровь. Он напрягся так, что свело все тело. Ремень стал еще тоньше и порвался. Сразу стало легче дышать. Дикари были так увлечены своим разговором на разных языках, что ничего не заметили. В блеске огня Раббэ увидел свой белый меч. Он лежал рядом с тем, кто и произнес это страшное слово. Раббэ мог бы постараться уйти незаметно, но оставить свой любимый меч он не мог. Приведя дыхание в порядок, он вскочил, ринулся к костру, схватил меч и стал рубить все и всех подряд. Уничтожив противников у костра, он нагнулся и как кошка

ушел в темноту. Уходить решил в горы. Это было более безопасно. Ему надо было отдохнуть и поспать. Быстро и стараясь не шуметь, он уходил выше и выше. Внезапно перед ним открылась поляна. В свете костра он увидел двух людей, которые совсем были не похожи на его врагов. Это собиратели дикого меда в горах – понял он. Про них говорили, что на них не действуют укусы пчел. Они умеют разговаривать с богами пчел. У них не было оружия. Один старый, другой похоже, его сын. Раббэ вышел из тени. Подошел к костру. Двое спокойно продолжали свою трапезу.

– Вы не боитесь меня?

Старый внимательно посмотрел на него и ответил:

– Все боятся пчел. Здесь они всегда рядом с нами, даже ночью... – Раббэ оглянулся вокруг, посмотрел вверх, но пчел не увидел. Охотники за медом заулыбались:

– Когда появляется плохой человек, они предупреждают нас. Много плохих – они жужжат сильно. Ты хороший, пчелы молчат... Тебя мы не боимся...

Раббэ присел к костру ближе.

Старый человек сказал:

– В ответ я также спрошу тебя. У тебя клеймо на шее – я вижу ты раб, и ты сильно ранен. Ты сбежал? Ты идешь на север, но судя по цвету твоей кожи твой край на юге. Почему ты не уходишь в сторону своей родины? – он махнул рукой туда, откуда Раббэ пришел. Мы слышали на север пришло много тех, кто убивает. Зачем ты идешь в их сторону? Ты не

хочешь стать свободным?

– Раббе, почувствовав сильную усталость, ответил:

– Много вопросов. Задай один.

– Как твое имя?

Тысячу раз он слышал этот вопрос. Тысячу раз он не мог ответить на него. С тех пор как его глаза увидели растерзанную пришельцами мать, убитого отца, он не мог произнести своего имени. Он прятал его от посторонних как величайшее сокровище, как то, что необходимо сохранить, иначе потеряет себя. Большой, сильный, с талантом воина он был как мощная скорлупа, а имя его было ядрышком, которому когда-нибудь, где-нибудь было суждено прорасти на благодатной почве. Только надо было найти эту почву. Его звали по-разному; маленького унижительными словами, а когда его тело набрало мощь и агрессию, его стали бояться и совсем обходиться без имени.

И сейчас он не знал что отвечать. Он молчал и думал: плохо, что в его голове не хватает ума для того чтобы найти подходящие слова... Его ум находится не в языке, а в его мышцах, в силе его воли, страсти в битвах, в чувстве равновесия во время движений с двумя мечами.... Плохо, что он не тренировал язык... У Аллагара никто не называл его рабом. Он ел, пил, имел женщин, работал с учениками как свободный человек. Слово «раб» потеряло для него угнетающий смысл. Миротворившие собиратели меда напомнили ему о его несвободе. Зачем они это сказали?

Я не понимаю – думал он – мне надо было больше разговаривать с мудрейшим. Господин всегда с ним разговаривал... он мог объяснить все: почему появляется Луна, отчего дует ветер.... Про свободу он точно бы объяснил.... Он знал тайный смысл слов.

Это конечно несложный вопрос.... но вот, свободна ли рысь, с которой он встретился однажды, глаза в глаза на узкой тропе в горах? А волки, которые пытались его окружить в степи, а он пошел на них со своим любимым мечом от Шалыги, знают о свободе? А сам кузнец, свободен ли он? Свобода это ведь просто, только не хватает умения сообщить другим эту мысль словами. Зачем вообще люди говорят, разве не достаточно взгляда, жеста, поступка?... Свободные пчелы общаются жестами....

Раббэ искал слова, чтобы ответить собирателям меда. Что он может сказать?

«Я должен» – эта фраза стала для него единственным и самодостаточным условием его жизни. Он должен быть рядом с царем, должен тренировать своих бойцов, должен воевать с врагами, должен защищать своего господина, должен жить ради него, терпеть лишения и невзгоды... он просто должен.... Почему так устроен мир он не знал – он должен и этим объясняется всё... А сейчас он бросил того, кого должен защищать – ради чего? Какого-то перстня?.... Как это объяснить?

Собиратель меда смотрел с вниманием. Раббэ казалось,

что он его слышит и без голоса. Как вожак волков слышит, и понимает каждого из своей стаи без звука. Ему стало хорошо. Хотелось вот так, молча, рассказать многое, что никогда раньше никому не говорил... Но как рассказать? Разве можно высказать свою боль, тянущуюся с раннего детства, когда он маленьким мальчиком смотрел из укрытия, как дрался с пришельцами из последних сил его отец и как вспороли его мечами. Как долго пришлые воины разрывали его кричащую мать, пока она не затихла, как потом вытащили его из укрытия, и поволокли за волосы за собой. А потом неволя. Он носил за пришельцами тяжелый скарб в походе. Пока его не купил новый хозяин. Тот не заставлял работать. Он увидел в мальчишке способного бойца и отдал его в обучение старому македонцу. Раббэ освоил способы быстро убивать других и оставаться самому без ран. Он научился расценивать любого встреченного им человека как возможного соперника. Он сразу видел слабые и сильные стороны человека. Какие мышцы у того сильнее, какая реакция, какие повадки в движениях. Звериным нюхом чуял другого: хорош тот в бою или нет и в чем того слабость.

И вскоре он превратился в такого же ненасытного зверя как все воины прежнего хозяина. Отрядом они ходили в дальние края и делали с поселенцами то, что он видел маленьким мальчиком из своего укрытия. Убивали всех мужчин, оплодотворяли лучших женщин, забирали всё ценное и шли дальше. В этом была цель их жизни: без жалости

убить соперников, оплодотворить чужих женщин. И Раббэ был первым из них. Тренировался убивать мужчин одним ударом. И ни одна женщина не могла устоять перед его чудовищной физической силой. Он скручивал их, не обращая внимания на крики, брал их, чуть не разрывая на части, и после, тут же о них забывал. Тогда он считал, что должен делать так. Однажды отряд попал в ловушку. Вечером кто-то подсыпал в воду дурман. И когда под утро на них напали, каждый из их отряда не имел сил поднять меч. И первым зарезали его хозяина – начальника отряда, потом других. Самых сильных связали и отвезли на невольничий рынок. Царь Аллагар купил его и изменил не только его жизнь, но и его самого.... Мысли роились в голове, как никогда. Оказывается, разговаривать молча так же тяжело, как и вслух. От мыслей устаешь больше чем от тяжелой работы... но они сами возникают в голове, и не испаряются даже под лучами жаркого солнца...

Еще он подумал: хорошо бы самому вот так же, как эти собиратели жить в горах, ни от кого ни зависеть, никому не быть должным, но ведь это не так. Даже эти собиратели меда несвободны. Они должны делать свое дело. А люди, которые ничего никому не должны, не могут найти себе место в мире – боги их не принимают. Так разве долг не важнее свободы?

...

Собиратель меда был мудр. Внимательно выслушал молчание Раббэ и после протянул ему миску с медом.

– Смажь раны медом, поешь и ложись спать рядом с костром. Видно тебе на рассвете понадобится много сил.

Рядом с собирателями меда Раббэ не чувствовал опасности и спал крепко, укутавшись лацерной – дорожным плащом. Утром, когда он проснулся, собирателей уже не было. Они ушли, оставив ему глиняную плашку с медом и завернутую в листья жареную саранчу. Боль от ран густо смазанных медом утихла. Он чувствовал себя полным сил.

– Боги послали мне этих людей. Значит, я правильно иду. – Подумал он.

Двигаться дальше в горы смысла не было. Эта дорога была безопасной, но дальней. А ему надо было спешить. Сильно спешить! Ведь царю прямо сейчас нужна таинственная сила, про которую он говорил, которая появится, когда Раббэ дойдет до царицы Эриды и передаст ей заветные слова вместе с перстнем. Чтобы успеть надо идти напролом. И Раббе стал спускаться к врагам. Может быть дикари о нем забыли? Ушли... Но нет. Он почувствовал их неприятный запах, еще не видя их. Их опять было много. И обойти их было нельзя. И Раббэ с одним мечом, пошел в атаку.

Первое, что он сделал – отрубил руку ближайшего соперника и подхватил себе второй меч.

Он был сосредоточен на своем поражающем ударе и пропускал их удары, потому что знал, мечи их мягки и тупы, и не способны разрубить его наплечную кожаную защиту... Он рассчитывал удар соперника еще до того, как тот его произ-

ведет. Он был сильнее, быстрее, хитрее, изворотливей сотни этих дикарей. Он рубил людей, прокладывая себе дорогу, как путешественник рубит мачете кустарник, стараясь пройти к свету. Удары по плечам, спине, ногам сыпались с немилосердностью богов. Дикарей становилось все меньше, он шел все быстрее. Наконец, последняя группа врагов не стала нападать, а разошлась в стороны. Впереди была каменистая пустыня, за которой через ущелье был его дом. Идти по острым пикам высоких камней было невозможно, приходилось прыгать с камня на камень. Чужой меч он выбросил, тот превратился в изогнутую железную дубинку. Он двигался уже по инерции. Сил не было. И когда камни закончились, тело его упало, не повинувшись более ни инерции, ни приказам мозга.

Когда он очнулся, увидел над собой солнце. Оно палило истерзанное тело нещадно. Несмотря на жестокую боль поработившую казалось все его существо, он вдруг продолжил ночной разговор с собирателями меда.

Он лежал и думал:

– Солнце – господин человека. Когда оно хочет победить, тогда жарит неимоверно, испепеляя живительные родники!

Он вспомнил рваную сухость во рту тогда когда от засухи в его стране Остроны стали падать замертво люди...

– Может это война Солнца с человеком? Солнце, зачем я тебе? Ничего у меня для тебя нет. Что ты заберешь у меня? Жизнь? Но она и во все дни твоя, да и зачем моя маленькая

жизнь такому большому божеству? Может, Солнце воюет с Луной? Бьется за меня? Не хочет, чтобы я принадлежал ей, круглолицей красавице Луне, дарительнице снов. На Солнце даже посмотреть невозможно. Может оно жестокая уродина? А добрая Луна вся на виду. Она дает сладкие мечты...

Боль пронзает его... как же больно!

– Ни Луна, ни Солнце, ничто небесное не может унять боль. Боль сильнее и больше всех... Это она истинный господин человека, ей все люди принадлежат... Это она подчиняет себе любого, она лишает самого сильного веры в себя...

И он впал в забытие. Очнулся он только утром. Первый же робкий луч Солнца вернул ему сознание. Выдох боли из его уст выполз низко, у самой земли как утренний новорожденный туман...

Пушистая рыжая земля... умирающая от жажды... Надо идти. Долг воина превыше боли! Он вспомнил вчерашние мысли.

– Не боль хозяин! Но кто хозяин мой? Ни Луна, ни Солнце, ни боль! Не знаю... Нет господина, кроме другого человека! Аллагар погибает, я теперь зачем? Дойду до города, а дальше? Не хочу больше... – мысль его запнулась. Что он больше не хочет?

– Больше не хочу драться.... Не хочу! Нет господина и всё бессмысленно!.... Есть только долг и надо его выполнить... Один вопрос: про какую силу говорил царь Аллагар? Где она хранится? При чем здесь перстень для благословенной Эри-

ды, когда надо драться с врагами? И о каком сокровище говорил хромой кузнец? Надо не думать, надо идти. Пусть будет то, что будет... Ждет благословенная Эрида, ждут люди – добрые и мирные.

Он вставал медленно, с перерывами, сначала на четвереньки, потом на колени. Боль раскаленным металлом из кузницы пронзила его от пяток до головы и тысячами осколков, разнеслась по всем дальним уголкам тела... – Он подумал: «Как долго длится утро!». Но встав во весь рост, снова ощутил в себе волну силы.

Вдруг увидел на земле зеленый блеск изумруда. Кожаный мешочек, в котором хранился перстень, был разрублен. Он с большим трудом поднял его, сдул с него крупички песка. Без мыслей смотрел на добрый и сильный изумруд. Надо было как-то не потерять его... Никогда бы не посмел ... но... сейчас... Он попытался надеть перстень царя на палец... это кощунство... но теперь уже можно... это конец пути, и он с силой, через боль пытался всунуть распухший палец в кольцо, но не получилось, и тогда он зажал перстень в кулаке и с появившейся опять яростью пошел в сторону Острона. Пришло чувство освобождения и от глупых и упорных мыслей, и от боли. Он и одним мечом положит врагов, сколько бы их не было. Он пошел, исподлобья смотря упрямо вперед, не моргая, а за ним оставался кровавый след... Дикарей больше не было. Раббэ много времени потратил на бои. Он чувствовал как уходят силы. Понимал, что может опоздать. Вне-

запно подумал: Может быть Аллагар уже погиб и ему теперь не нужно торопиться? – он тут же откинул предательскую мысль.

Тело болело. Идти было трудно. Но внутри себя он твердо знал, что должен идти как можно быстрее. Пройти ущелье. Пересечь хребет и путь будет закончен. Это не больше одной луны пути.

Аллагар не может погибнуть, пока Раббэ не доведет до конца начатое дело.

В одной руке у него был перстень царя Аллагара, в другой – белый меч от кузнеца Шамгу. Ни то, ни другое он выбросить не мог. На крутом склоне он не смог удержаться без помощи рук и упал. Падение на камни было слишком жестоким. Он потерял сознание. Вскоре очнулся. Сильно мучила жажда. Боясь пошевелить истерзанным телом, жадно стал слизывать росу с камней. Вдруг он встретился со взглядом пумы. Она облизывала своего детеныша и совсем почему-то не обращала на него внимания. Этот взгляд он помнит из глубокого детства, из которого уже не сохранилось ничего, кроме этого единственного взгляда его матери... Этот взгляд он часто видел ночью, когда уходил в мир таинственных образов и видел то, что днем закрывает Солнце. К нему приходила женщина. Она была одна, но напоминала многих сразу. В ней была и его мать, которую он совсем не помнил днем, и кормилица, которую он видел одним глазом через плотную грудь с теплым молоком, и все женщины без числа,

которых он жестоко брал в любых местах по требованию своей плоти, и была еще одна – странная женщина из ниоткуда, он точно знал, что никогда ее не встречал в светлой жизни. Все эти женщины сливались в одну и смотрели на него так, что хотелось забыть свою силу и не возвращаться в мир дневных дел. И только долг бдительно охраняющего своего господина заставлял его покинуть царство ночных образов. И каждый раз, окончив день, он ложился недалеко от господина, и закрывая глаза, мечтал увидеть только эту женщину. Он надеялся найти ее и встретить этот взгляд всюду, где бывал, но не было даже издали ничего похожего. И только Эрида одарила его однажды этим похожим на волшебство взглядом, когда увидела его подглядывающим. взгляд от которого он тогда стал слабым и беззащитным.

Однажды он случайно увидел царя и Эриду наедине. Они его не видели. Он не стал ни уходить, ни отворачиваться. Он был заморожен. Никогда он не думал, что может настолько задерживать дыхание. Простояв в укрытии до самого конца, он впервые почувствовал себя слабым. Не было в нем вожделения. Не было желания силы. За это короткое время в нем наступил надлом. Он увидел волшебство. Он понял, что чего-то важного в жизни не знает. Женщина и мужчина были одним целым. И это целое было сильнее физической силы. Никогда ранее он не видел, что с женщиной можно быть ласковым, а от нежности наполняться мощью. Он не знал, что так можно. Он даже не знал, какой бог дает такую радость. А

когда все закончилось, царица – благословенная Эрида заметила его, но не подала вида. Их глаза на мгновение встретились. И в ее зрачках отразилась сама Инанна – богиня плодородия, утренней и вечерней звезды. И когда они уходили в поход за новой землей, Раббэ опять увидел этот взгляд, но обращенный к царю страны Остроны.

И теперь, что-то слегка уловимое он видел во взгляде этой смелой, быстрой, сильной пумы. Но это зверь, а не человек... Он опять потерял сознание.

Когда очнулся окончательно, никого рядом не было. Привиделась ему пума с детенышем, или это было наяву?

Размышлять было некогда. Он должен идти, несмотря ни на что!

Чем ближе он подходил к стране Остроны, тем больше облаков появлялось на небе. А горный хребет был весь укутан белым. В близких и теплых облаках он вдруг увидел образы... Сознание его от ран и усталости было сумеречным, но он явно видел как его друзья, его ученики дерутся сейчас с многочисленными врагами. Он видел кто где находится, – все правильно – так как он их учил – каждый прикрывает каждого. Вместе они сплетаются в паучью сеть, через которую не просто пробиться. Они сильны и тренированы, но у них нет такого меча, как у Раббэ. Да дело вовсе не в мече! Воин всегда воин, независимо от обстоятельств. Настоящий воин может родиться только от воина. Как он – Раббэ. А лю-

ди, которые понимают коз и овец, чувствуют всходы кукурузы, находят и обрабатывают изумруды, собирают мед в горах, плавят руду, не могут родить того, у кого найдутся силы драться с восхода и до заката. Боги все рассчитывают заранее! У каждого свой долг. Так объяснял ему жрец Шамгу, когда Раббэ сетовал на плохое умение некоторых бойцов.

В городе люди окончательно устали от очередного неурожая и с надеждой ждали возвращения своих правителей.

Раббэ шел по городу медленно, ни на кого не обращая внимания. Голова его была опущена, он был сторблен. Люди видели, с каким трудом он передвигает ноги. Левая рука висела как высохшая от засухи ветвь винограда. Выделялся только сжатый до белизны кулак. Он зашел в царское помещение. Посередине стояла в длинной накидке эскомиде Эрида. В слабом огне масляной лампы Раббэ увидел с каким напряжением поднималась ткань на высокой груди от ее трудного дыхания. Ее черное лицо, ее черные глаза смотрели прямо в его душу. Это был другой взгляд. Сейчас ему хотелось отвернуться, не видеть эти глаза....

– Для благословленной Эриды, своей госпожи, Аллагар, могучий царь Остроны, передал этот перстень.... – он не смог больше ничего сказать. Но он направил все оставшиеся силы для того чтобы поднять висевшую как сломанная ветвь руку и разжать кулак. И ему это не удалось. Эрида замети-

ла это движение, подошла и с силой разжала окровавленные и черные пальцы Раббэ. На ладони его лежал перстень. Изумруд под слоем засохшей крови больше не блестел. Как только она взяла перстень в свои руки, Раббэ рухнул без сознания к ногам госпожи. Его отнесли и положили на дубовый стол. Вскоре он открыл глаза, она подошла к нему. Раббэ увидел над собой уже не черное, а белое как алебастр лицо Эриды на фоне ее ярко-черных волос, и вспомнил кривую ухмылку хромого кузнеца, и его слова: «У твоего царя есть сокровище сильнее этих камней». Сквозь обморочное состояние сознания он услышал:

– Что ты хочешь в награду? Свободы?

Сил говорить уже не было, но не ответить своей госпоже он не мог. И он постарался, как мог ответить, уже как бы не своим голосом: Мы измерили с ним землю.... Я знаю, теперь, что такое любить, это лучше чем свобода, я хочу уйти за ним....

– Не умирай, ты получил свободу, у тебя новая жизнь, ты нужен нам всем.

Раббэ шепотом ответил:

– Мне не нужна свобода. Я узнал силу, про которую говорил наш царь... – его голос звучал с каждым слово все тише. Эрида наклонилась к нему совсем близко, но все равно с трудом понимала.

– Что, что он говорил, Раббэ?

Но Раббэ, казалось, уже не слышал вопроса, он произнес

на выдохе: Адад... Так мое имя...

Тело его напряглось, мышцы стали крепкими, затем он сделал вздох и расслабился. Эрида смотрела в его заполненные облаками глаза и видела в них стены недостроенного города, тьмы дикарей, от которых было темно, и своего мужа – гордого царя Аллагара, который мечом яростно пролагал себе дорогу к свету. Время от времени он бросал взгляд по сторонам, словно в поисках своего охранителя: «Где ты, друг?»

«Я иду к тебе, царь» – вдруг отчетливо и громко произнес Раббэ, дернулся и после затишья навсегда. Эрида, неподобающим для царицы образом заплакала....

В тот день, когда в стране Остроны, хоронили начальника охраны царя Аллагара, небо внезапно разверзлось. Дождь быстро заполнял водой всю глиняную посуду, которую люди стремительно выставляли на улицы города, пропитывал одежду горожан, заполнял трещины в пересохшей земле. Люди поднимали головы, закрывали глаза и открывали рты, они с упоением ловили живительные струи...

В этот день все узнали о гибели любимого царя. И была великая скорбь. Но они чувствовали, как вода возвращала к жизни землю. И была великая радость. Люди не знали, как совместить великую скорбь и великую радость. Каким словом обозначить это странное состояние. И не было у них больше жреца, который объяснил бы им как надо. Людям теперь самим приходилось искать нужные слова для таких сложных переживаний....